

Марина Игоревна Соловьева родилась в городе Горьком. Окончила Горьковский медицинский институт, работает врачом. Публиковалась в журналах «Север», «Нижний Новгород», альманахе «Земляки», интернет-изданиях. Автор ряда книг прозы. Лауреат литературного конкурса «Данко», награждена медалью «Федор Достоевский — 200 лет». Живет в Нижнем Новгороде.

Марина Соловьева

ФАМИЛИЯ

Рассказы

Моя фамилия Цветаева, а его Оладушкин, и мы решили пожениться. Он красив, умен, творчески одарен, терпелив, и главное — мы любим друг друга и хотим быть вместе всю оставшуюся жизнь. Мы познакомились в студенческом лагере медицинского института, и я запала на него с первого взгляда: кудрявая голова, черные глаза и гитара. Между собой с девчонками мы сразу стали называть его Тото Кутуньо по имени известного певца и композитора или просто Итальянец, пока однажды на общей линейке он не откликнулся на фамилию Оладушкин. Девчонки сначала онемели от неожиданности, потом прыснули от смеха. А я как застыла, так и осталась стоять на месте, не заметив, что все уже разошлись. Вот тебе и раз — Оладушкин! Блин горелый! Какая удивительная несправедливость, ну разве может этот потрясающий Тото Кутуньо оказаться вдруг Оладушкиным. Абсолютное и категорическое несоответствие внешности и фамилии. Самое интересное, что нашего «итальянца» это как будто совсем не смущало. Он громко выкрикивал свою фамилию на переключке, с удовольствием знакомился и представлялся. Ну надо же — Оладушкин!

Когда-то в далеком детстве в моем доме жили три мальчишки: Блинцов, Пирогов и Оладьев. Мы вместе играли, гуля-

ли и всем двором подтрунивали над ними, называя изделиями из теста. Я иногда задумывалась, кому же из них с фамилией повезло меньше других. В этом странном соревновании у меня по порядку лидировали то Блинцов, то Оладьев, но побеждал всегда последний. Я считала, что с такой фамилией жить невозможно, и не скрывала своих умозаключений от окружающих, тем более что я сама Цветаева, и этим все сказано.

Да-да, я самый настоящий представитель того самого дворянского рода, древнего и знаменитого, имеющего свой герб и девиз «Родине научным трудом», который папа цитировал всю мою сознательную жизнь по поводу и без повода. С детства я слышана о своих предках, среди которых были сенаторы, действительные тайные советники, историки, археологи, искусствоведы, даже один Герой Советского Союза, а также писатели и поэты. Это я веду к тому, что всем известные сестры Цветаевы тоже из наших. Со слов папы, они дальние родственницы, ну а насколько дальние, это уже не важно, да и папа на этих несущественных деталях сильно никогда не останавливался.

Папина речь была изящной и ажурной, он так умел складывать звуки в слова, а слова — в предложения, что создавалось полное впечатление его причастности к поэтам Серебряного века. Папа убеждал нас с мамой, что когда происхождение обязывает, нужно обязательно следить за тем, что говоришь и как говоришь. Но сам он не следил. У него был особый дар выражать мысли так, что это пробирало до самого сердца. Папа был настоящим выходцем из прошлого столетия, пропитанным духом поэзии, тоже иногда пишущим талантливые строки. Он был человеком немного несовременным, эмоциональным и одухотворенным, умеющим растворять чужую иронию и с легкостью предотвращать конфликты; постоянно изучающим и стойко охраняющим долгую историю нашего интереснейшего рода. Ногами он ходил по земле, а головой летал в космосе.

Сколько помню себя, он часто разговаривал стихами Марины Цветаевой, и мне кажется, что всю ее великолепную поэзию я вобрала в себя еще в глубоком детстве. У нас даже игра такая была, папа начинал строками из любого места ее произведения, а я заканчивала. Ему очень нравилось, когда я делала стрижку с короткой челкой. Папа говорил, что сходство с великой поэтессой необыкновенное, и гены дают о себе знать.

Любимым лакомством у нас был цветаевский пирог с абрикосами и черешней, известный как коронное блюдо семьи с далеких времен, подкупающий волшебным вкусом и своей простотой в приготовлении. И я, и мама знали рецепт наизусть и могли приготовить пирог в мгновение ока, главное, чтобы были черешня и абрикосы. Поэтому лето для меня на всю жизнь ассоциируется именно с этим вкуснейшим десертом, который мы с удовольствием могли есть на завтрак, обед и ужин. Все это были традиции семьи, которые ненавязчиво становились нормой нашей жизни. Папа считал, что великий и благородный род Цветаевых обязан существовать вечно. Когда он женился, то сразу поставил маму перед фактом, что хочет иметь трех сыновей — продолжателей династии, но родилась я, и на этом претворение планов в жизнь, увы, завершилось.

Родных братьев и сестер у папы тоже не было. Все отчетливей маячила опасность затухания нашей семейной веточки, о чем папа регулярно сокрушался. Он был известным кардиологом, заведующим кафедрой в медицинском институте, и это единственное, что быстро возвращало его на землю. Свою профессию папа любил и, уходя на работу, всегда мимо-

ходом юморил, что пошел решать дела сердечные. Мама говорила, что всего в жизни отец добился сам, а папа, наоборот, с хитрой улыбкой частенько признавался, что во всем виновата фамилия, она ему помогает, мотивирует и тащит вперед, да и известные корни с родственными связями никуда не деваются. Обычно такие вещи скрывают, а папа наоборот — непонятно зачем, не стесняясь, выставлял напоказ. Родни у папы было великое множество, только жили все очень далеко. Папа периодически передавал мне от них приветы и рассказывал про каждого удивительные истории. Я знала всех Цветаевых по именам, иногда они присылали для меня по почте разные подарки, почти всегда угадывая мои пожелания. Никого из них я никогда не видела, но всегда ощущала себя частью чего-то большого, дружного и единого, готового в любой момент броситься на помощь. Я всегда знала, что Цветаевы — это моя опора и защита. Я гордилась тем, что ношу эту фамилию.

И вот тебе пожалуйста: человек с фамилией Оладушкин пожаловал в мою жизнь, как будто в наказание за все мои детские насмешки и за чрезмерную гордость своим происхождением. И откуда он только взялся на мою голову, этот Ладушкин-Оладушкин, да еще и необыкновенно красивый черт, без конца стреляющий глазами в мою сторону, рискуя свернуть себе шею...

Через пару недель мы поняли, что нам вместе весело и интересно, через месяц мы уже не могли оторваться друг от друга, через два — я поняла, что не могу без него дышать. Не помню, кто первый предложил жениться, но решение по этому поводу было принято сразу и единогласно. Во Дворце бракосочетаний, обнимаясь и бесконечно хихикая, мы заполняли заявление на вступление в брак под суровым взглядом местной тетеньки, всем своим видом напоминающей грозную овчарку. Когда дошли до определения фамилии, которую я буду носить после брака, веселье мое оборвалось, и я беспомощно посмотрела на своего жениха. Не уловив моих внутренних терзаний, Оладушкин уверенно написал на нужной строчке свою фамилию.

Известие, что Мария Цветаева и Федор Оладушкин через месяц создадут новую ячейку общества, мои родители восприняли без негатива и даже открыли по этому поводу бутылку шампанского, искренне пожелав счастья. Самое грустное началось после ухода Федьки, когда до папы дошло, что новая семья будет носить фамилию Оладушкины. Нет, он не заламывал руки и не кричал. Все чувства и переживания были написаны на его лице, которое едва подавало признаки жизни слегка подрагивающими ресницами. «Оладушкина? И дети будут Оладушкины?» — единственное, что смог вымолвить папа, находясь в состоянии полного потрясения. Мне срочно захотелось замариновать мясо в феназепаме, зажарить его и быстрее съесть вместе с папой. Мама начала говорить что-то о Фединых родителях, которые могут обидеться, о том, что у каждой семьи существует своя история их фамилии, но папа не слушал. Он думал о чем-то своем. Смотреть на него было больно. На следующий день я поговорила с Оладушкиным и объяснила ситуацию. Он засмеялся и заявил, что не нужно делать проблему там, где ее нет, и при желании я могу оставаться Цветаевой. Более того, если я обещаю родить двоих детей, то мы можем дать им разные фамилии, только первый будет точно Оладушкин. Я подпрыгнула от счастья, расцеловала Федьку и помчалась срочно возвращать отца к жизни.

— Папа, вопрос решен, скорее расправляй свои крылья и снова летай! — закричала я с порога.

— «Крылья — это свобода, только когда паркиры в полете, за спиной они — тяжесть», — привычно ответил папа словами Цветаевой и счастливо улыбнулся.

— Я остаюсь Цветаевой и буду продолжать нашу фамилию! И точка! И больше никакой тяжести за плечами!

Подготовка к самому важному в жизни свадебному событию, которая наложила на сложную сессию, закрутили нас немислимым водоворотом. Мы постоянно куда-то бегали, о чем-то договаривались, решали миллион вопросов, а по ночам зубрили экзаменационные билеты. Мне кажется, что мы выдохнули только в день свадьбы. Выкуп невесты, белое платье, фата, цветы, подружки, шампанское, Дворец бракосочетаний и наконец — та самая тетенька-овчарка, которая принимала наше заявление, только теперь она была абсолютно другой: улыбчивой, праздничной и доброжелательной, скорее напоминая французскую болонку, усиленно виляющую хвостом. С радушной улыбкой на лице она объявила нас мужем и женой и поздравила с рождением новой семьи Оладушкиных. Немая сцена... Вжух, удар молнии, и в голове мысли стали врезаться друг в друга. Мы забыли исправить эту злополучную графу про фамилию в своем заявлении. Решение приняли, а исправить забыли, закрутились, завертели и ни разу не вспомнили об этой формальности. Тетенька продолжала искренне улыбаться вместе с Федькиными родителями, а я боялась обернуться назад и посмотреть на папу. Он, конечно, держался, улыбался и даже шутил, но глаза выдавали его состояние. «Шутим, шутим, а тоска все растет, растет...» — кажется, так было у Цветаевой и это точно про папу.

Свадебный праздничный вечер отвлек меня от грустных мыслей, очень быстро переключив на срочное решение проблем, которые начали вдруг вылетать, как из рога изобилия. Мы попали со своей женьитбой в тот самый непростой, строгий период безалкогольных свадеб, когда водку продавали по талонам. Полагалась одна бутылка на члена семьи в месяц. Оладушкины копили водку, подключив все свои родственные связи. Папа к вопросу добычи этого товара повышенного спроса подключил сотрудников кафедры и всех, кого только было возможно. Водка в то время была своеобразной валютой, ее можно было на что-то обменять, ею можно было расплатиться, ее было трудно достать, но в экстренных случаях ее всегда можно было купить у таксистов по тройной цене. Путем невероятных совместных усилий необходимое количество драгоценного напитка в итоге было добыто и доставлено в кафе накануне праздника вместе с другими дефицитными продуктами. Родители вернулись довольные и сообщили, что подготовка к свадьбе там идет полным ходом, все готовится, жарится, парится и режется.

К началу торжества мы приехали в наше кафе, расположенное в историческом центре города, оказавшееся обычной столовкой с витающим специфическим запахом прокисших щей, пережаренных хлебных котлет и с постоянно спящими среди гостей габаритными тетками в замасленных фартуках и накрахмаленных высоких колпаках. Еды на столах почти не было. Стояло несколько тарелок с жесткими холодными съезжившимися курицами, судя по всему, умершими собственной смертью от недостатка питания. Колбаса и сыр, привезенные из столицы специально для торжества, были порезаны тончайшими кусочками, но их было до неприличия мало, куда делись остальные продукты, было совершенно непонятно. Короче, оголодавшему взгляду гостей было совершенно не на чем отдохнуть на нашей скатерти-самобранке.

Мама бросилась разбираться с кухней, а папа — искать водку, которую выставлять на столы категорически запрещалось, поскольку всем свадьбам было положено быть безалкогольными. Я искала глазами тамаду, но и его тоже не было. Что же за день такой сегодня? Какое-то испытание на прочность молодой семьи и их родителей! Голодные гости ходили вокруг полупустого стола в ожидании команды «начинать», а я, подобрав край длинного свадебного платья, нарезала круги в поисках нашего ведущего, но никаких признаков его присутствия не находила. К счастью, появились друзья Оладушкина по общежитию и подключили музыку, заверив нас, что дискотека обязательно будет. Стало веселее, и я немного выдохнула. Через несколько минут Федька сообщил мне, что водка находится в большом самоваре, возвышающемся в центре стола. Об этом незамедлительно были оповещены все гости, и самовар быстро начал набирать популярность.

Роль тамады взяла на себя мать Федькиного свидетеля, работающая последние двадцать лет инспектором по делам несовершеннолетних. Ее речь была очень деловой, четкой, отрывистой и излишне громкой, как будто мы находились на военном параде, и еще отличалась отсутствием даже намек на самое скромное чувство юмора. Впечатление, что мы совершили плохой поступок и сейчас нам придется за него непременно расплачиваться, не оставляло меня до конца вечера. Отсутствие нормальной закуски и самовар как символ гостеприимства и русского духа, наполненный водкой, сделали свое дело очень быстро. Народ опьянел и начал выяснять отношения. Короче, без драки не обошлось. Доцент с папиной кафедры, прекрасный кардиолог Николай Иванович, интеллигентнейший человек, знакомый мне с детства, неожиданно сцепился с врачом-рентгенологом не на жизнь, а на смерть. Они катались по полу с красными лицами, плевались, попутно царапая лица друг другу и отрывая лацканы пиджаков.

Разнимал их дальний родственник Оладушкиных — сантехник Василий, оказавшийся в этих вопросах самым опытным, сообразительным и проворным. При этом он приговаривал, что свадьба свадьбой, а кому-то начинать все равно же надо было, сообщал, что не так страшно пропустить удар, как оставить его без ответа. Мордобой людей заметно сблизил, и они еще долгое время обсуждали увиденное. Папа от всего этого хватался за голову и убегал решать очередные вопросы то с кухней, то с водкой, то с подравшимся Николаем Ивановичем, у которого на фоне произошедшего началась аритмия. В конце вечера всем захотелось выпить напоследок чаю, и кто-то несведущий добавил в наш пузатый самовар кипяточку и заварки. Этот адский горячий напиток добил гостей окончательно. Свадьба начала петь и плясать с утроенной энергией, зажигая всех вокруг и оставляя многообразие ярких, хотя и не очень трезвых впечатлений.

Обратный путь оказался тоже нестандартным. Всю свадьбу, включая жениха с невестой, загрузили в большой автобус и стали развозить по домам. Танцы продолжились в автобусе среди тех, кто еще мог как-то двигаться. Потом народ плавно перешел на песни. Причем, чем меньше народу оставалось, тем громче и слаженней пели. Когда в автобусе кроме моих родителей и нас с Оладушкиным уже никого не осталось, папа протяжно затынул: «Ладушки-оладушки, где были? — У бабушки. Что ели? — Кашку. Что пили? — Бражку!» И я вдруг увидела, что мой папа тоже пьян. Он очень грустно выводил каждое слово этой, казалось бы, веселой песни, подперев голову рукой, максимально сосредоточив-

шись и собрав в себе всю неразбериху сегодняшнего дня, печаль и радость воедино.

Вот так непросто появилась на свет наша новая семья, но любой, даже самый счастливый и очень тяжелый день когда-нибудь заканчивается. Закончился и этот, оставив после себя итогом Марию Оладушкину как подтверждение того, что все это мне не приснилось. Не могу сказать, что на мне это как-то сильно отражалось в первое время, так как ведомости в деканате никто не менял, и я пока для всех оставалась Цветаевой.

Первый раз я прочувствовала свою новую фамилию на вручении диплома. Меня вызывали раза три, а я не реагировала и только когда поняла, что Оладушкина — это про меня, двинулась к сцене. Я шла, а в голове воем сирены гудела моя новая фамилия. И все внутри меня возмущалось, кричало и стонало, но самое ужасное, мне было неловко и даже стыдно перед окружающими. Мне казалось, что все вокруг меня жалеют, обсуждают, и я ничего не могла с этим поделать. Рожать нашего первенца я тоже пошла в статусе Оладушкиной, и ситуация повторилась. Я по-прежнему вжимала голову в плечи в ожидании, что меня назовут по фамилии, и в сотый раз вспоминала рассказы отца про всех наших знаменитых родственников, и все отчетливее понимала, что хочу обратно, к Цветаевым. Я хочу быть снова Цветаевой. Федька, как всегда, не возражал, и я помчалась в ЗАГС менять фамилию.

В кабинете сидела все та же женщина с лицом, напоминающим недобрую собаку, которая нас когда-то женила. На всех свадебных фотографиях она сияла широкой открытой улыбкой, а сейчас с осунувшимся усталым лицом перебирала какие-то свои бумаги, не обращая на меня никакого внимания. Я улыбнулась и громко поздоровалась. Женщина подняла глаза, выслушала проблему и без эмоций сунула мне листок для написания заявления. Среди причин, объясняющих смену фамилии, я написала и про династию, и про то, что я последняя Цветаева в нашей родовой ветке, и про то, что отец известный врач, а это мне обязательно поможет в профессии, и про то, что фамилия Оладушкин неблагозвучная и мне не подходит. Слегка сморщив нос, она читала мою бумагу, водя пальцем по строчкам. Дойдя до аргументов, казавшихся мне неоспоримыми, она вдруг стала повторять одну и ту же фразу.

— Это не причина, это тоже не причина, это совсем не причина...

— Да как же не причина?! — взорвалась я. — Фамилия неблагозвучная.

— Вот у меня утром приходил Вырвиглаз, хочет взять фамилию жены, и я его понимаю, вчера была Гадючка, — женщина перебирала заявления на столе, — вот Сухозад. А Оладушкина — фамилия благозвучная и даже очень милая. Не занимайтесь ерундой, девушка, пожалуйста.

— Но я не могу жить с такой фамилией! Мне плохо! У меня психоз начинается!

— Тогда приносите справку от врача психиатра! Это будет основанием для смены фамилии, — тетенька снова погрузилась в свои бумаги, всем своим видом показывая, что разговор на этом окончен и мой семейный вопрос раз и навсегда закрыт.

Получается, что для счастья нужна только справка от психиатра, дожили! Я села на лавочку, закрыла глаза, откинулась назад, подставила лицо весенним солнечным лучам и стала вспоминать, кто из наших выпускников имеет хоть какое-то отношение к психиатрии. Решение пришло молниеносно: ну конечно, Шурик Презерман по кличке Презер,

который в отличие от меня свою фамилию любил и ею гордился, не обращающая внимания на насмешки однокурсников. Все в его семье были известными врачами Презерманами, а мама всю жизнь работала в психиатрии. Шурик отправился по ее стопам и в этом году заканчивал интернатуру. Вот интересно, фамилия Презерман, по мнению тетеньки из ЗАГСа, считалась бы благозвучной или нет?

Шурик спустился в регистратуру поликлиники психоневрологического диспансера, внимательно меня выслушал и задал только один вопрос: «Оладья не против?» Я неистово замотала головой, всем своим видом показывая, что не против. Через пятнадцать минут Презерман принес мне новую справку, в которой указывалось на мое пограничное состояние с повышенной тревожностью, эмоциональной неустойчивостью и склонностью к импульсивным действиям из-за неприятия новой фамилии. В рекомендациях четко была прописана смена фамилии с целью улучшения качества жизни и предотвращения усугубления процесса.

«Мне пришлось завести на тебя карточку, но не переживай, я приду-маю, как аннулировать ее через пару месяцев!» — добавил на прощание Шурик и пожелал мне удачи.

Тетенька из ЗАГСа не ожидала меня увидеть снова так быстро. Она нехотя взяла мое заново написанное заявление и с нарастающим раздражением начала свою песню про «не причину». Но когда дошла до пункта о моем психическом статусе, то лицо ее моментально изменилось: куда-то ушла строгость, вялость и недовольство, проступили знакомые черты веселой болонки. Удивительно, как быстро и легко леди-ЗАГС умела перевоплощаться и менять образы, у нее были однозначно артистические способности плюс громадный опыт работы на одном месте. Может быть, это издержки ее профессии, когда нужно уметь быть то торжественной и улыбочивой, то строгой и жесткой.

Она чуть осипшим голосом попросила справку и наконец-то подняла на меня глаза, в которых мелькнуло подобие испуга, как будто я могу на нее неожиданно напасть в своем неуправляемом припадке.

— А вот это действительно причина, — робко прошептала она и заискивающе улыбнулась мне.

«Ну ладно, так и быть, сегодня я тебя убивать не буду!» — подумала я и уверенно улыбнулась ей в ответ. Через месяц я поменяла все документы и снова стала Цветаевой.

Папа умер именно в этот день, в день, когда я вернула фамилию. Сказали, что оторвался тромб. У меня было впечатление, что он просто не справился с радостью или просто решил, что его основные цели и задачи в этом мире теперь выполнены. А может быть, это такое трагическое совпадение, но от этого совсем не легче. Нужно было срочно заниматься организацией похорон и сообщать о трагедии нашим бесчисленным родственникам. Мама сидела напротив меня и, покачиваясь, молча смотрела в одну точку.

— Мама, где все адреса, телефоны родственников? Я уверена, что все придут. Ты уже сообщила им?

— Да нет никаких родственников, нет никаких Цветаевых, — мама вытащила из горы документов потрепанную бумагу в файлике и протянула мне. — Из детского дома он. Подбросили в мае, когда сирень цвела, поэтому и Цветаев. Папа как будто боялся, что мы будем меньше его любить, если узнаем эту тайну. Я все это давно обнаружила, но молчала, не

могла, да и не хотела разрушать его мир. Теперь вот пришло время и тебе все узнать. Нужно принять решение, что ты будешь говорить теперь своему сыну...

— Что папа говорил мне, то и я буду говорить своим детям, — не задумываясь ни на секунду, ответила я. — Да, скоро на свет появится еще один ребенок и фамилия его обязательно будет Цветаев. Он будет знать все про наших великих родственников и научится декламировать все известные стихи с любого места. Наш великий род обязательно должен и будет продолжаться!

Мама посмотрела на меня внимательно и впервые за это время улыбнулась.

УНТЫ

Последние две недели только и разговоров было, что о приезде моего брата Гены с Камчатки. Все знали, что он должен вернуться, но никто не знал точной даты. Его ждали всей семьей. Мама с бабушкой чуть не каждый день пекли вкуснейшие пироги со словами: «А вдруг Геночка завтра придет?!» Дед просматривал сводки погоды полуострова и громко нам всем докладывал прогноз на ближайшие дни, а отец пытался что-нибудь узнать про брата через свои каналы связи, но что-то там не срасталось. Каждый вечер забегала Лена, девушка Гены, в надежде услышать новости о его возвращении. Но не было ни Гены, ни новостей, и мы вместе с ней с превеликим удовольствием уничтожали свежеиспеченные бабушкины пироги, запивая их крепким чаем.

Гена проходил службу в армии на Камчатке вместе со своими друзьями-сокурсниками сразу после окончания института. Прошел год, и его товарищи стали потихоньку возвращаться домой, не было только Гены. Лена верно ждала его все это время, они переписывались, и иногда она зачитывала нам строчки из его писем. Мне было тогда лет восемь, я училась в одном классе с ее младшей сестрой Иришкой и частенько бывала у них в гостях. Мы общались, несмотря на большую разницу в возрасте, потому что нам обоим было интересно поговорить о моем брате — чудесном, веселом, искреннем и открытым человеке, который вмиг умел сделать жизнь ярче и интересней.

Генка появился, когда все уже устали ждать и готовиться к его приезду. Он приехал без предупреждения, ворвавшись свежим ветром в нашу небольшую квартирку и закружив всех нас невероятными рассказами про Камчатку. Он говорил, что это лучшее место на земле, где дети учатся кататься на лыжах раньше, чем ходить, икру там едят ложками, а гигантскими крабами и морскими ежами никого не удивишь. Ни для кого не секрет, что в эти места можно улететь в командировку на неделю и застрять там из-за нелетной погоды месяцев на пять...

Генку можно было слушать бесконечно, что мы все и делали. Ни в каком другом месте он не представлял своей дальнейшей жизни. Только Камчатка и Тихий океан, где купаются все, включая даже не умеющих плавать. Счастливая Лена сидела рядом, смотрела на него влюбленными глазами, держала его за руку и была готова ехать с ним на край света хоть завтра. А Генка продолжал воодушевленно заряжать нас эмоциями, и я неожиданно для себя заметила, что со всеми вокруг долго и обстоятельно говорю только про волшебную Камчатку, а моя способность выражать мысли кратко куда-то улетучилась, исчезла под шквалом Генкиного красноречия.

— Хочешь, я привезу тебе унты? — брат, прервав свой очередной рассказ, неожиданно повернулся ко мне. — Или по почте пришлю? Там зимой все местные в унтах ходят. Это такие сапожки из меха на теплой войлочной подошве. В основном используют оленьи шкуры, а верх украшают широкой полосой ткани с вышивкой бисером или нитью. Это называется билэ, и такие унты выглядят потрясающе. По контуру билэ делают красивую окантовку из меха норки.

— Конечно, хочу, очень хочу! — у меня даже дыхание прервалось. Я сразу представила себя, идущую в школу в белоснежных унтах со вставками из разноцветного бисера, — аж дух захватило от предвкушения такой красоты. Я покосилась на свои скромно стоящие у двери в луже растаявшего снега черные валеночки в галошах. Они показались мне убогими, погрустневшими и даже расплакавшимися от такой неожиданно замаячившей конкуренции.

— Значит, будут тебе унты! Как доберусь до Камчатки, первым делом куплю и сразу вышлю! — Гена уверенно и весело потрепал меня по щеке и, посмотрев на Лену долгим и внимательным взглядом, негромко и очень весомо добавил: — А ты, как приедешь, сама себе по размеру и цвету выберешь все, что понравится. Ты будешь самой красивой на полуострове, настоящей королевой Камчатки и трех омывающих ее морей и, самое главное, моей королевой! — последнюю фразу он шепнул Лене почти в ухо, но я успела расслышать.

Генка уехал назад примерно через месяц, чтобы дорешать вопросы с жильем и работой. Лена не спеша занималась свадебными приготовлениями, шила платье с фатой и ждала команды на выезд, пребывая в состоянии низкого старта, но команды все не было, как и вестей от Гены. Мы шутили про нелетную погоду и про очередной непредвиденный затяжной шторм. Я каждое утро проверяла почтовый ящик в ожидании извещения о посылке и продолжала мечтать; разговаривала с унтами во сне, представляла, как сначала поглажу их по жесткой непокорной шерстке, налюбуюсь на них вдоволь и только потом надену. И больше никогда не сниму, и никто не заставит. Никто не сможет этого сделать ни за что и никогда, точка. Я узнавала, можно ли в белых унтах ходить в школу без сменной обуви и ссорилась с классным руководителем, доказывая, что обувь белого цвета не может быть грязной. А унты все не приходили и не прилетали, не приплывали и не подавали никаких признаков движения в мою сторону. Через день я бегала на почту узнавать, не потерялось ли извещение о посылке. А вдруг мои белые унтики давно пылятся на почте и ждут не дождутся, когда же я наконец прибегу за ними и вызволю из душного плена. Но их там, увы, тоже не было. Через месяц меня уже знали все работники почтового отделения и сочувственно мотали головой, как только я переступала порог. Но я не сдавалась и ждала изо всех сил. Я начала рисовать в своей голове картины, как Камчатку завалило снегами и нарушились все связи с Большой землей, самолеты не летают, телефоны не работают и невозможно никому добрататься, приходится думать только о том, как выжить. Но скоро, очень скоро, как только все нормализуется, мои унты отправятся в путь...

О том, что брат женился, мы узнали из телеграммы уже после того, как это произошло. Лена ходила с красными заплаканными глазами, неестественно разводила руками, пыталась что-то сказать, ловила ртом воздух, напоминая рыбу, выброшенную из воды на сушу, и категорически

отказывалась верить в происходящее. Посылку с унтами я ждала еще около двух лет.

Гена приехал в гости снова, когда я училась уже в старших классах. Он вошел в квартиру и сразу всю ее заполнил собой. Я вдруг заметила, какая же она, оказывается, маленькая, наша квартирка. Гена стоял в центре большой комнаты и казался мне огромным, производя впечатление настоящего полярника. Куртка на меху, свитер с оленями грубой вязки, но мягчайший на ощупь, широченные плечи; борода шла ему необыкновенно, добавляя шарма; комнату наполнили запахи талого снега и хвои, завершающие образ. Гена доставал из широкой сумки большие банки с икрой, вяленую рыбу, большие клешни крабов. Мое сердце предательски колотилось, и я ничего не могла с собой поделатъ, я ждала унты. В голове мелькнула мысль: «Неужели он додумался везти их в этой рыбной сумке, они же пропахнут и уже никогда не избавятся от этого запаха! Генка с видом фокусника пошуровал в сумке, что-то нащупал и объявил последний номер подарочной программы. Я затаила дыхание, а брат — со словами «але-гоп» — достал стеклянную подвеску, наполненную вулканическим пеплом, и повесил мне на шею.

— А где унты? — едва сдерживая слезы, спросила я и сдернула с себя подвеску. Генка замер, явно не понимая, о чем речь, но уже через секунду он приказал мне не расстраиваться.

— Унты обязательно будут. Не хотелось привозить обычные, ведь ты достойна эксклюзива. Заказал специально для тебя из шкуры коричневого оленя, это большая редкость, а отделка будет белая, из крашеной норки. Бисер привезут специальный красный и бирюзовый, я уже договорился с мастерами, такую вышивку умеют делать только они; просто не успели, но обязательно сделают! Пусть не быстро, но это будет очень качественно и на долгие годы! Будешь одна в городе в такой обуви ходить, и все тебя запомнят, станут рассказывать про неподражаемую девушку в унтах.

Я слушала его и блаженно растекалась по стулу, погружаясь в нирвану, давая волю своим новым унтовым фантазиям. Конечно, я была готова ждать сколько угодно, я хотела эксклюзива и штучного товара, мне хотелось соответствовать брату, который был таким настоящим, не испорченным цивилизацией человеком с Дальнего Востока, поражающим своей масштабностью и уверенно строящим карьеру в невероятно трудных условиях.

Вечером Гена пришел вместе с Леной. Они держались за руки и все время обнимались. Брат сокрушался, что по глупости женился, сделал самую большую ошибку в жизни, что дело неминуемо идет к разводу и жить дальше с нелюбимой женщиной невозможно. Останавливает только дочь, это только ради нее он страдает и мучается, ведь настоящие мужчины своих детей не бросают. Но любой ребенок рано или поздно вырастает, и до личного счастья осталось совсем чуть-чуть. А счастье возможно, конечно, только с Леной, единственной и неповторимой, и брат это понял давно и бесповоротно. Он прижимал к себе Лену большой мускулистой рукой, смотрел ей в глаза долгим взглядом, называл своей судьбой, а себя идиотом, поскольку осмелился от этой судьбы свернуть в сторону. А от судьбы, как всем известно, не уйти, бесполезно. Брат сетовал, что однолюб, а таким людям противопоказано идти против себя и обстоятельств, какими бы сложными они вдруг не оказались. Лена нежно краснела, расслаблено смаковала его каждое слово, словно тонула в кружке с

теплым чаем, которую уже минут сорок держала в руке, забывая отпить хоть глоточек, и слишком часто поправляла веревочку, на которой висела моя несостоявшаяся стеклянная подвеска с вулканическим пеплом.

Гена был в своем репертуаре, душевный и неповторимый, он искрился юмором и по-прежнему заражал всех вокруг энергией и оптимизмом. Его улыбка разила наповал. Мы грелись в его лучах и в который раз уже слушали про Долину гейзеров, куда возят всех туристов, про то, как в мае Гена не всегда может найти машину под слоем снега и боится, что ее сгребет трактор, как покупает водку по пути на рыбалку и рыбу, когда возвращается. Он искренне приглашал всех в гости и обещал решить вопрос с билетами. А я думала, что обязательно съезжу в этот удивительный край и обязательно куплю там себе еще одни унты, белоснежные, потрясающие, с окантовкой и вышивкой, из моей далекой детской мечты.

Гену провожали на вокзале всем семейством. Лена плакала, брат вытирал ее слезы и шептал в ухо что-то веселое. Она улыбалась и снова плакала.

Паровоз погудел на прощание, Генка помахал нам, свесившись с подножки поезда, и уехал в столицу, откуда через пару дней планировал улететь на свой любимый полуостров. Начался новый этап ожидания. Я уже не бегала, как сумасшедшая, на почту, понимая, что уникальные авторские вещи делаются небыстро. Пусть унты будут коричневые, раз Гена так решил, значит, так и надо, он знает в этом толк. Я закрывала глаза и представляла крупный яркий бисер, красный и бирюзовый, который добавит исключительности моим меховым сапожкам. Через какое-то время я поняла, что именно эти цвета являются моими самыми любимыми, что лишней раз доказывало полное и абсолютное совпадение наших с братом вкусов.

И я срочно начала вязать себе шапку такой же расцветки. В этом деле я не была большой умелицей, мне постоянно что-то не нравилось, я вязала и распускала, и снова вязала, пытаюсь довести шапку до совершенства. Я прекрасно понимала, что уникальная обувь обязывает, и шапка должна стать достойной парой унтам. Преодолев все свои вязальные мытарства, я, наконец, сотворила неожиданный для себя подвиг, блестяще завершив работу над бирюзово-красной шапочкой и шарфиком. Потом я, незаметно для себя, справилась с кофточкой, юбочкой, брючками в таких же тонах. Хотелось сотворить чего-нибудь еще подобное, но я волевым решением заставила себя остановиться, поскольку известий про унты так и не было. Гена писал крайне редко, ссылаясь на плохую погоду, активную развивающуюся карьеру, большую занятость на работе.

Через год я случайно встретила Лену на улице. Мы давно не виделись, были рады друг другу и даже обнялись при встрече. Она грустно сообщила, что с момента прощания на вокзале не получила от Гены ни одного письма. На фоне этого моя история с заблудившимися в очередной раз унтами казалась ничтожной.

— Это не просто так, что-то у него случилось, а он не может со мной поделиться или жалеет меня, поэтому и не пишет, — Лена никак не хотела видеть действительности, она упорно оправдывала брата каждым словом, как будто подрисовывала его своими красками, добавляла несуществующих деталей, постепенно доводя до идеала.

Я не знала, что сказать в ответ. Почему-то пришло в голову, что обязательно, рано или поздно, пройдет необыкновенный дождь и смоет с Генки все эти краски, и останется он таким, какой есть на самом деле: с вет-

ром в голове, вечным поиском лучшей жизни и морем обещаний, в которые свято верит, но тут же забывает или выбрасывает из головы, как ненужный хлам.

Чем дольше я слушала Лену, тем отчетливее понимала, что никаких унтов я не дождусь. Если он так легко смог забыть ее, то о каких меховых сапожках для меня может идти речь. Я приказала себе больше никогда не вспоминать эту тему. Жизнь, в конце концов, на унтах не заканчивается.

На следующий день я купила на рынке белые валенки, расшила их красными цветами с бирюзовыми листьями, приклеила наверх меховую опушку, пустив под ножницы старый мамин песцовый воротник серого цвета, и аккуратно украсила яркими бусинами любимых расцветок, приобретя их в соседнем галантерейном магазинчике. Я потратила на все это творчество дня два.

А еще через два дня ко мне посыпались заказы на авторские валенки. Так я нашла свое дело, которым с удовольствием занимаюсь до сих пор. Из нашего городка я перебралась в столицу, работаю уже давно не одна, а с большим коллективом. Валенки мы делаем разнообразных цветов и моделей, но непременно украшенные бусинками, и любимыми по-прежнему остаются красно-бирюзовые тона.

Брата я увидела только через тридцать лет. Нет, он, конечно, не пропал на все это время, просто жизнь нас как-то разводила по разным сторонам, и встретиться не удавалось. Гена периодически звонил родителям, рассказывал про свои успехи в бизнесе и на государственной службе. Папа даже летал к нему пару раз в гости, но со мной его пути не пересекались.

Гена приехал в родной город после смерти жены и остановился у родителей. Я выехала к ним на следующий же день и всю дорогу обдумывала, как и что буду говорить брату, чтобы поддержать его и попытаться вернуть к жизни. Открыв дверь своим ключом, я сразу услышала знакомый жизнерадостный голос, рассказывающий про загадочный, вдохновляющий и экзотичный полуостров Камчатка, про то, как там девять месяцев холодно и еще три месяца очень холодно; про снег, который начинает таять только в мае, и асфальт, тающий уже в марте, про безличный расчет, подразумевающий под собой ведро красной икры...

— Генка! — завизжала я, забыв про все придуманные мной в пути слова утешения, и бросилась в его объятия. Брат улыбался и, как прежде, светился изнутри.

Я оторвалась от него, пытаюсь рассмотреть. Поседел, поздоровел, обзавелся сеточкой мелких морщин под глазами, но не растерял своей мощной харизмы и притягательного магнетизма — как всегда, все при нем.

— А у меня через час встреча! — объявил Генка, довольно погладив себя по выступающему животу. — Угадай с одного раза, с кем?

— Неужели с Леной? — Я обмерла от такого поворота событий. — Ты знаешь, на всякий случай, она давно замужем и счастлива в браке?

— В браке она, конечно, счастлива, но любит-то меня! Я нашел ее в социальных сетях, судя по фотографии, изменилась мало, предложил пожениться. А чего тянуть, возраст уже никаких проволочек не допускает, да и мы друг друга всю жизнь знаем. Переписывались несколько месяцев, уже обсудили все основные моменты. Лена согласна, да она уже и мужу обо всем рассказала. Вопрос решен. Женюсь. Сегодня плы-

вем вместе на прогулочном кораблике, — Гена пытался впихнуть в большой сувенирный пакет бубен с надписью «Камчатка», расписанный, видимо, традиционным орнаментом народов Дальнего Востока, и большущего медведя, сделанного из костей каких-то животных. Громоздкие сувениры никак не хотели укладываться вместе, но брат не унывал и подшучивал, что как только Леночка захочет его увидеть, то ударит в этот бубен, и он тут же примчится к ней, где бы в это время не находился.

— А зачем ей этот медведь, напоминающий кладбищенскую статую? — высказала я свои сомнения.

— Это только первое впечатление такое, — не растерялся Генка. — У этого косолапого тайничок есть. Включай фантазию!

Брат покрутил медведя, потряс, на что-то нажал и вытащил маленькое колечко с камушком, очевидно, тоже предназначенное для Лены, и что-то запел про обручальное кольцо.

Генки не было достаточно долго. Он появился к вечеру в состоянии полного разочарования и без пакета.

— Это уже совсем не та Лена! — начал он прямо с порога. — Это какая-то тетка в платье из прошлого века. Нет, ты не понимаешь, с ней и говорить-то особо не о чем, плывем на кораблике и молчим. А она еще и говорит, что только с самыми близкими людьми ей так комфортно молчать. А с чего она взяла, что мне это тоже комфортно? Я молчал оттого, что не знал, как из этой дурацкой ситуации выйти, и минуты считал, когда же наше судно, наконец-то, причалит, — Генка пошуровал в карманах, достал знакомое колечко с камушком и протянул мне, уточнив, что оно теперь мое.

— Гена, ты знаешь, что такое раздолбайство? Это когда степень ответственности оставляет желать лучшего! Ты же уже взрослый, реально говоря, пожилой человек, ну разве так можно? — Я представила постаревшую, но полную надежд Лену, отправленную назад к мужу с дебильным бубном и несуразным тяжеленным медведем в руках.

— Я проводил ее домой, прямо до квартиры. Мне показалось, она была немного взволнована и даже расстроена. Но эта бабушка не из моей сказки, и я ничего не могу с собой поделать. Зачем она выставила в «Одноклассниках» фотку двадцатилетней давности? О чем она в тот момент думала? Сама во всем виновата!

— Вот ты весь в этом! Бедная Лена! Что с ней теперь будет? — Я уже перешла на крик, из глаз катились слезы. — А унты мои где? Ты мне их всю жизнь везешь и никак не довезешь! Я тебя спрашиваю, где мои унты?

Генка непонимающе хлопал глазами и был совершенно ошарашен моей реакцией. Вдруг он стремительно ринулся в угол комнаты, где стоял его огромный чемодан.

— Ты только не переживай, не надо, будут тебе унты! Конечно, я их тебе привез, как же может быть по-другому? Только не плачь, не терплю женских слез! — Брат в своих поисках наполовину погрузился в недра чемодана и работал руками с утроенной скоростью. — Ну, слава богу, нашел!.. — Он выпрямился, вытер рукой лоб и с потрясающе искренней улыбкой протянул мне сувенирные, размером со спичечный коробок, унты на веревочке.

Мои слезы в секунду высохли, и я стала с диким хохотом кататься по полу, пугая ничего не понимающего седовласого Генку еще больше.

Брат улетел на полуостров огненных вулканов, любопытных медведей, бескрайних полей с ягодами и цветами, увозя с собой мою бывшую одноклассницу Иришку, младшую сестру Лены. Она моложе сестры на пятнадцать лет и очень похожа на его первую любовь в молодости. Они поженились уже на Камчатке. А Лена после долгих слез, соплей и объяснений вернулась к мужу.

Моя мечта — унты — стоят за стеклом серванта, напоминая, что где-то далеко на уникальном полуострове Камчатка у меня есть уникальный брат Гена, с которым никогда не соскучишься.

